

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Я. В. Соколов

СКЕПТИЦИЗМ КАК МЕТОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

С сотворения мира все беды исходят от доктринеров, нетерпимо объявляющих свои мнения, свое мировоззрение единственно истинным.

С. Цвейг

К. Поппер (1902–1994) основательно считал, что предметом любой науки выступают проблемы, которые ей, науке, приходится решать¹. При этом задача исследователя сводится к нахождению границ как самой проблемы, так и ее возможных решений. Их ищут со времен античности, когда в методологию науки вошла школа скептиков. Ее представителей отличало то, что они любили задавать вопросы, но не очень хотели давать ответы.

Апории скептицизма. «Апория» — слово греческое и означает «... трудноразрешимую проблему, связанную обычно с противоречием между данными наблюдения и опыта и их мысленным анализом»². Апории — это первые инструменты скептицизма. Они берут начало в трудах Пиррона (376–270 г. до н. э.), но сформулированы Секстом Эмпириком (2-я пол. II — нач. III в.). Апории были спутниками человечества во все времена, и каждая из них, развиваясь, приобретала все более углубленные формы выражения. Их суть дошла до нашего времени и существенно повлияла на методологию современной науки. Их особенность, как писал А. Ф. Лосев (1893–1988), в том, что они «построены... на соотношении мыслей и потому обладают не столько материальным, сколько логическим характером»³. Античные скептики выделили пять логико-методологических инструментов — апорий: изостения, регресс в бесконечность, относительность знания познающего субъекта, произвольность утверждений и круг.

Рассмотрим эти апории применительно к методологии экономической науки.

Ярослав Вячеславович СОКОЛОВ — профессор, зав. кафедрой статистики, бухгалтерского учета и аудита СПбГУ, член Президентского Совета Института профессиональных бухгалтеров России и член Методологического совета Министерства финансов РФ. Член Международной академии историков бухгалтерского учета. Автор более 600 публикаций, в том числе 17 книг (монографий и учебников) по методологии и истории бухгалтерского учета.

Изостения

Исследователь должен исходить из того, что любая анализируемая проблема предполагает как *минимум* два логически обоснованных утверждения. Изостения — неотъемлемое свойство не только науки, но и всей жизни. Секст Эмпирик писал, что «основное начало скепсиса лежит главным образом в том, что всякому положению можно противопоставить другое, равное ему; вследствие этого, как кажется, мы приходим к необходимости отказаться от всякого рода догм»⁴. Отказ от догм и есть главная цель скептицизма.

Отказ от догм приветствуют все. Ни один серьезный человек не скажет: «Я догматик», но далеко не все причисляют себя к скептикам. В этом отношении характерна позиция Г. В. Плеханова (1856–1918). Он писал про изостению, но трактовал ее иронично, сравнивая с проблемой Буриданова осла и замечая, что, в отличие от осла, людям не надо делать выбор: кто за прогресс — тот и прав. В философском плане Плеханов пытался рассматривать изостению как примитивную диалектику, но тем самым, в отличие от античных авторов, трактовал два альтернативных утверждения не как равные, а как отживающее и нарождающееся (тезис, антитезис, синтез). И, как следствие, делал вывод, что «скептицизм — свойство отживающих классов»⁵.

В современной научной литературе изостения трансформировалась в иные методологические приемы. Так, одним из ее проявлений можно считать принцип *деконструкции*, введенный нашим современником Ж. Дерридой. Это прежде всего аналитический принцип, предполагающий, что любая проблема должна быть представлена в виде текста: «Нет ничего кроме текста» — любимый его афоризм. Но текст, писал Деррида, изложен на определенном языке, а любой язык «... не является ни абсолютным, ни точным, ни логичным. В каждом слове, каждой фразе и даже способе построения предложений заложены возможности появления двусмысленностей, искажающих значение»⁶. Поскольку каждая научная теория всегда представлена определенным текстом, который изложен на определенном языке, постольку объяснение и/или описание любой проблемы соответствует, в духе изостении, минимум двум теориям, и, как правило, альтернативным. Не случайно П. Фейерабенд (1924–1994) обратил внимание на то, что различные «... теории взаимонепереводимы, потому что таковы те научные языки, на которых они сформулированы»⁷.

Разный язык способствует тому, что один и тот же объект может называться неодинаково, а это с неизбежностью приводит к возникновению различных семантических полей. Важнейшее понятие статистики, ее суть, в различных научных школах называется или совокупностью (А. А. Чупров), или коллективом (Р. Мизес), или множеством (Н. Бурбаки). Отсюда следует, что в одном случае исследователи отождествляют, скажем, средние величины с математическим ожиданием, в другом — противопоставляют их и выводят некоторые существенно оригинальные выводы. Но чтобы понять эти и подобные им категории и проникнуть через них в лабиринты и смысл написанного (сказанного), текст должен быть расчленен на составляющие его элементы. По этому поводу прекрасно сказал П. Рикер: «... размышлять о значении значит определенным образом *разрушать понятие*, вскрывать его мотивацию»⁸. Эта мотивация позволяет выделить опорные, наиболее значимые понятия. Как правило, анализируемый текст представляет собой многослойную конструкцию, и выделение спорных понятий идет последовательно, слой за слоем, имея в пределе истоки проблемы. При этом деконструкция предполагает и элиминирование знаковой формы проблемы от ее содержательной части. Совершенно очевидно, что, рассматривая какие-либо проблемы, например проблемы бухгалтерского

баланса, цены или факта хозяйственной жизни, мы сразу же увидим, что лежит в их основе. Для баланса это — двойственное представление имущества. Прежде всего, он как следствие инвентаризации демонстрирует актив предприятия. Но этого оказывается недостаточно, и представление этого же имущества «опровергается» заменой вещей и вещных прав — набором обязательств. В определении цены лежит или стоимость, или ценность, в основе факта скрывается его юридическая и экономическая природа.

Совершенно очевидно, что в каждом слое текста вырабатываются свои решения, и в конечном счете мы приходим к тому, что изначально называлось изостенией.

И тут необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство — метафоры (символы) не должны заменять реальную жизнь: например, формулы индексов помогают раскрыть динамику цен, но они не подменяют саму проблему изменения цен, дебет и кредит, — это только инструменты описания хозяйственных процессов, но при всем желании сами по себе они не могут полностью и адекватно их описать. Вместе с тем очевидно, что только проникновение в тайны информационного многослойного текста, прежде всего в осознанные и (или) неосознанные интересы авторов, составляет содержание экономической работы. Со временем Деррида пришел к самым крайним выводам, в сущности, смыкаясь с Перроном: «Попытка придать тексту смысл, — пишет наш современник, — просто-напросто уничтожит все другие смыслы, которые тоже имеют право на существование, а также воспрепятствует созданию будущих интерпретаций. Любое существующее значение, которое мы стараемся навязать тексту, будет всего лишь иллюзией»⁹. Смысл сказанного, конечно, не в том, что то, что выдается за познанное, на самом деле не является познаваемым, а в том, что производимые интерпретации, как правило, формально равноценны, но одни раздвигают границы познания, другие сужают их. Не случайно Н. Бор (1885–1962) считал, что «истина заключается в объединении антагонистических, но вместе с тем и дополняющих друг друга понятий»¹⁰. Лучшими примерами такого объединяющего начала были попытки синтеза стоимости и ценности, предпринятые А. Маршаллом (1842–1924) и М. И. Туган-Барановским (1865–1919). Однако заслуживают внимания и другие примеры. Так, основные средства, взятые в аренду, предполагается учитывать за балансом, ибо с юридической точки зрения они не являются собственностью фирмы-арендатора; напротив, с экономической точки зрения они должны быть показаны на балансе арендатора, ибо нет разницы между двумя работающими и создающими доход фирме машинами, если одна из них — неотъемлемая ее собственность, а вторая — только арендована. В первом случае проблема учета сужается, во втором — расширяется. Но сама по себе она продолжает присутствовать, и решение ее остается не за тем, кто прав, а за тем, у кого больше прав, так как она входит составной частью в функцию законодателя, особенно если он не чужд науке. По этому случаю хорошо сказал Л. Брюнвик (1869–1944): «... природа никогда не ставит ученого в ситуацию, когда он непременно должен выбрать между истиной и ложью»¹¹.

Регресс в бесконечность

Апория предполагает, что обоснование любого положения требует объяснения этого обоснования, но полученное обоснование в свою очередь нуждается в обосновании, и так до бесконечности. Согласно этой апории, в принципе нельзя не только дать сколько-нибудь удовлетворительное определение проблемы, но, анализируя выражающий ее текст, нельзя даже понять саму проблему.

Спрашивается: что такое цена? Ответ: стоимость, выраженная в деньгах. Дальше возникает цепь вопросов и ответов. Что такое стоимость? Определенное количество

общественно необходимого труда, выраженное в деньгах. Что такое деньги? Знаки, позволяющие стать мерой стоимости при выполнении договоров. Что такое договор? Соглашение о взаимных обязательствах. Что такое обязательство? Обещание, требующее неперменного выполнения. Что такое выполнение? Исполнение задуманного... И так до бесконечности. При этом предполагается, что согласно изостении за каждым ответом стоят как минимум две теории, и, следовательно, на каждый вопрос можно и нужно дать несколько ответов. Но каждая теория объясняет только определенный слой изучаемых фактов, и одна теория и ее текст сменяются другой теорией и новым другим текстом, и т. д. Это повторяется бесконечно. И об этом прекрасно сказал Д. Юм (1711–1776): «Одна мысль изгоняет другую и влечет за собой третью»¹². У эмпирика Юма — это поток мысли, а у рационалиста Н. Мальбранша (1638–1715) находим в этой связи важное замечание: «... от рассматриваемого предмета следует тщательно отбросить все, что нет необходимости рассматривать для нахождения искомой истины»¹³. Но дело в том, что тут-то и начинается параллельный регресс в бесконечность. Поскольку деконструкция текста предполагает *минимум* два понимания того, о чем идет речь, то сразу возникает вопрос: что же надо «тщательно отбрасывать»? Так, например, по поводу перевода злополучного слова *wert* сразу возникают вопросы. Переведете «стоимость» — цепь рассуждений пойдет по одной линии, переведете «ценность» — по другой. Самое страшное, что эти цепи перепутаны, и множество ошибок в выводах возникает не из неправильной фиксации фактов, а из-за своеобразия их интерпретации. (Сравним «Капитал» Маркса и «Общую теорию занятости, процента и денег» Кейнса. Эти книги написаны на разных языках, более разных, чем немецкий и английский.)

Точно так же в теории бухгалтерского баланса возникает вопрос: что такое актив? Обычный ответ: средства. Что такое средства? И вот тут можно ответить: или имущество, существующее на момент t_0 , или инвестиции, вложенные в них. Если вы выделите одно, то потеряете другое. Делая выбор в пользу первого ответа, вы строите цепь: баланс — актив — имущество, его принадлежность, мощь финансового состояния фирмы и т. д. Когда принимается решение в пользу второго ответа, возникает иное построение всей системы учета: отчет о прибылях и убытках, актив — вложенный в фирму капитал, расход будущих периодов и ожидаемые денежные доходы — рентабельность, т. е. эффективность использования капитала. В обоих случаях цель хозяйствующих субъектов — получение прибыли. Но она неодинакова: в первом случае это — прирост так называемых чистых активов (имущества собственника), во втором — разность между доходами и расходами. Цепи запутываются.

Накопленный опыт, имеющиеся знания, врожденные качества искажают в сознании человека истинное положение дел и мешают адекватному пониманию окружающих явлений. Поэтому остановить цепь почти всегда противоречивых и уточняющих определений практически да и теоретически невозможно. «Когда кажется, что вот-вот все кончается, тут-то все сызнова и начинается» (Б. Грасиан). И тут вспоминается старый классический пример: «... как будто бы стоишь перед развернутым веером. У ручки радиусы веера так тесно жмутся друг к другу, что как будто бы составляют одно целое. Но по мере того как глаз продвигается вверх к окружности, он видит, как радиусы постепенно удаляются один от другого и как будто бы принимают совершенно различные направления. Но все-таки они окончательно не разлучаются друг с другом. Ибо, по мере того как они отдаляются один от другого, между ними разворачивается некоторая общая им всем ткань, которая устанавливает между ними связь, новое соединение, такое же прочное (если не более прочное), как искусственное единение их у ручки веера»¹⁴.

И тут возникает еще одна проблема: считать ли парадигмой ручку веера или каждый его радиус? И ответ скептика, кажется, должен быть таким: если речь идет об одном и том же временном отрезке, то парадигмой должна выступать «ручка», а если специалисты рассуждают о целях, относящихся к разным историческим эпохам, то каждый «радиус» должен пониматься как парадигма¹⁵.

Апория регресса имеет огромное практическое значение, ибо именно с ее помощью выделяются базовые элементы кажущейся бесконечности. Дабы она не оказалась дурной, на определенной стадии ее следует прервать. Стадия эта — момент, когда апперцепция воспринимающего человека оказывается достаточной. В сущности, в этом весь смысл «Фауста». «Остановись мгновение — ты прекрасно». Однако в этом кроется новая опасность, которую предвидел И. В. Гёте (1749–1832).

Относительность знания познающего субъекта

Новым тут является то, что «непознаваемость вещи доказывается на основании соотношения ее не только с бесконечным множеством других вещей, но и с человеческим субъектом»¹⁶. То есть знание каждого отдельного человека ограничено его личным опытом, образованием, характером, интересами и даже наследственностью. Очевидно, что «набор этих факторов и их соотношение будут у каждого человека различными»¹⁷. При этом «человек всегда выбирает то, что является для него наилучшим, или, точнее, то, что, как он полагает, является для него наилучшим»¹⁸.

В современной философии эта апория получила развитие в эпистемологическом скептицизме Ч. Д. Брода (1887–1971). Он предполагал выделять объект суждения — A и апперцепцию — совокупность возможностей понимания объекта человеком — X . Как следствие возникает $X(A)$ — результат, который кажется отражением A , и если бы у всех людей была одинаковая апперцепция, то, возможно, и не было бы оснований для скептицизма. Однако у других людей представления не X , а Y , и, следовательно, их теоретические построения составят не $X(A)$, а $Y(A)$, и оба результата не будут адекватны. Так, скажем, одни (X) понимают национальный доход как вновь созданную стоимость, другие (Y) — как совокупность доходов всех групп населения страны. И так вырастают разные теоретические построения, каждое из которых имеет свои достоинства и недостатки. В целом решить проблему можно, только сводя X к Y или Y к X , но это, прежде всего, психологическая задача для будущих времен, ибо то, что для одного — Альдонса, для другого — вечная Дульсинея. А в реальном времени люди разные и сообщества людей тоже разные. Отсюда в науке существенное значение приобретают экономическая антропология и экономическая этика. Очень мудро начинает свою статью В. Т. Рязанов: «Экономические школы в своих методологических основаниях — явно или неявно — используют определенные представления о человеке, его природе и особенностях поведения»¹⁹. И это характерно для всей подлинной экономической мысли: от учителя моральной философии А. Смита (1723–1790) до Дж. М. Кейнса (1883–1946), который развивал свои идеи, опираясь на этику Д. Э. Мура (1873–1958)²⁰. Для развития экономической антропологии решающее значение имеет учение А. Кетле (1796–1874) о среднем человеке. Последовательное исчисление этого показателя по определенным биологическим и социальным группам (стратам) дает огромный материал, позволяющий скептически отнестись как к получаемым результатам, так и, что особенно важно, к самим подобным показателям, ибо в существенной степени они будут характеризовать, прежде всего, умственные способности социума²¹. Но этот социум может быть понят так или иначе только через текст. Исследователь должен проникнуть в его глубины, а, как

учил И. П. Павлов (1849–1936), «... настоящий ум — это есть ясное, правильное видение действительности»²². И вот тут-то и возникают две опасности: во-первых, степень адекватности понимания действительности у людей неодинакова, а во-вторых, слишком часто является соблазн истолковать ее в свою пользу, что обусловлено множеством причин, главная из которых — интерес²³. Еще П. С. Лаплас (1749–1827) говорил, что если бы теорема Пифагора затрагивала чьи-то интересы, то ее доказательства сразу же были бы поставлены под сомнение. В самом деле, работы М. Вебера (1864–1920) о роли протестантской этики показали, что лютеранство в Германии и кальвинизм в Швейцарии были выражением, как скажет потом В. Зомбарт (1863–1941), духа капитализма. Н. И. Бухарин (1888–1938) пытался показать, что маржинализм (точнее, австрийская школа) — это политическая экономия рантье. Число примеров можно продолжить, но и этих довольно, чтобы показать недостаточность их однозначного истолкования. Если идеи Вебера в определенном смысле подтвердились для Германии и Англии, то во Франции гугеноты были скорее выразителями феодальной мелкопоместной реакции, а буржуазия Парижа и Бордо крепко держалась за католичество. Точно так же и построения Бухарина вызывают много вопросов. Идеи маржиналистской революции прочно вошли в управленческий арсенал современного бизнеса; более того, они в наиболее совершенной форме, воплощенной в трудах Л. В. Канторовича (1912–1986), получили признание еще при социализме (ленинская и нобелевская премии).

Таким образом, идеологические и сугубо научные схемы могут использоваться для оправдания глубинных экономических процессов. Марксизм был идеологической основой советского, югославского, китайского и различных вариантов социалистических и социал-демократических доктрин. Это многообразие возможных истолкований, деконструкций заложено в самом марксизме, который выдвигает две основополагающие идеи эволюции общества: 1) рост производительных сил (страна экономически более развитая предопределяет судьбу менее развитых стран)²⁴ и 2) нарастающая классовая борьба.

Марксисты разделились: меньшевики считали первую идею главной, большевики отстаивали вторую как решающую. Скептики — представители двух этих лагерей — понимали, что обе идеи противоречат друг другу: рост производства требует классового сотрудничества, а борьба приводит к кризисам.

Судя по всему, К. Маркс (1818–1883) был великим скептиком. В первом томе «Капитала» он анализировал противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. Это означало, что весь вновь созданный продукт капиталисты могут продать только вне капиталистической системы. Так и учили его предшественники. Т. Р. Мальтус (1766–1834) считал, что значительная часть прибавочного продукта потребляется помещиками; Ж. Ш. Сисмонди (1773–1842) писал о том, что этот продукт купят крестьяне; последователи К. Маркса — например, Р. Люксембург (1871–1919) — все надежды возлагали на колонии. Во втором томе Маркс разбирает альтернативную идею, показывая, что за счет продажи средств производства прибавочная стоимость может быть реализована и реализуется в рамках капиталистического уклада. Таким образом, капитализм неисчерпаем.

Но вот Маркс, «подвергая все сомнению», в третьем томе сделал еще одно неожиданное открытие: оказывается, что с ростом производительных сил падает средняя норма прибыли. В середине XIX в. это было распространенное мнение. Д. Риккардо (1772–1823) и Дж. С. Милль (1806–1873) были его яркими выразителями²⁵. Маркс выдвинул в пользу этого «закона» другие аргументы. Но в его случае получилось, что классовой

борьбе в перспективе вообще нет места. Социализм наступит автоматически, как только средняя норма прибыли приблизится к нулю. Отсюда первостепенной важности вывод, который Маркс не хотел публиковать: *Только классовое сотрудничество, а не классовая борьба капиталистов и рабочих, повышая производительность труда, приближает торжество социализма*²⁶.

Это касается дел общественных. Иное дело — апперцепция познающего человека, она деформирует реальные процессы и так или иначе формирует то, что люди принимают за истину²⁷. Вспоминается памятный пример из полемики между А. А. Богдановым (1873–1928) и Г. В. Плехановым (1856–1918). Богданов полагал, что раз в опыте почти всех людей Средневековья многие непонятные им явления объяснялись черной магией и наличием чертей, леших и ведьм, то и вера в чертовщину считалась истиной. Плеханова это возмущало, он считал, что непонятное есть просто непознанное, и нечистая сила тут ни при чем²⁸. На самом деле они оба были правы, только первый говорил об апперцепции средневековых людей, а создатель русской социал-демократии — об апперцепции своих современников. И тут мы видим, что значит анализ текста и к каким часто парадоксальным выводам он приводит.

Итак, анализ текста, понимание утверждений, которые заключены в нем, предопределяют их смысл. Сколько людей, сколько у каждого интересов и настроений, столько и разнообразных деконструкций, при этом характер последних задан как прямой связью, влиянием реального текста на читателя, так и обратной связью, ибо авторы пишут текст, а читатели, сплошь и рядом, вкладывают в него смысл. Более того: «... читатель может понимать автора лучше, чем сам автор»²⁹. Понимание познающего субъекта приводит к тому, что в теории информации называли обратной связью. Понятие это введено в науку Н. Винером (1894–1964). В нашем случае считается, что субъекты и познаваемые объекты, вспомним $X(A)$ и $Y(A)$, воздействуют друг на друга, приумножая неопределенность (энтропию).

Рассмотрим традиционный пример из микроэкономики: образование цены товара. Прямая информационная связь идет от объекта (товара) к субъекту (человеку). И тут оказывается, что воплощенный в объекте абстрактный труд оценивается как данность, формирующая прямую связь, а оценка человеком, субъектом, значимости для него этого товара являет обратную связь. Но его оценки стоимости и ценности всегда в той или иной степени варьируются, стоимость и ценность растворяются в мысли, и степень этого растворения, этого варьирования в изучаемом тексте должен оценить скептик.

Очень часто познающий субъект пытается истолковать прямую и обратную связи как причинно-следственные, что с точки зрения здравого скептицизма и невозможно, и не нужно. Можно сказать, что ночь — причина дня, а можно сказать, что день — причина ночи. Дело вкуса. Это положение можно проиллюстрировать характерным примером.

В традиционной бухгалтерии со времен Л. И. Гомберга (1866–1935) кредит трактовали как причину, а дебет — как следствие. И это считалось догмой. Но теперь скептический подход показывает всю относительность такого понимания. Дебетовые и кредитовые обороты находятся в прямой и обратной связи, и установить, где причина и где следствие, невозможно. Достаточно подумать над простейшим и самым массовым фактом хозяйственной жизни: оприходование товаров (материалов), поступивших от поставщиков. Традиционный взгляд истолковывает эту запись так: кредит поставщиков (причина, ибо поставщики дали товары) и дебет товаров, ибо, как следствие — получены именно товары. Однако на это уже давно указывал Я. М. Гальперин (1894–1952): получение товаров (дебет) — не что иное, как причина возникновения задолженности перед

поставщиком (кредит). Тут кредит рассматривается как следствие³⁰. И классический вариант, и вариант новый логически равноценны. Прежде всего, это проявление изосотении. Но третья, разбираемая апория резко осложняет ее следствия, так как в анализе возникает эффект обратной связи, и он существенно приумножает неопределенность (энтропию) логических выводов.

Произвольность утверждений

Относительность познания, предопределенная в существенной степени как причинно-следственными, так и прямыми и обратными связями, приводит к четвертой атории, которая, по словам Лосева, должна «постулировать то, что имеет уже причину не в чем-нибудь другом, но в самом же себе»³¹. Постулирование научных положений приводит к новому витку скептицизма. Это понимают и провозглашают многие выдающиеся ученые. «Моя наука, — писал П. У. Бриджмен (1882–1961), — операционально отличается от вашей науки, как и моя боль отличается от вашей боли. Это ведет к признанию того, что существует столько наук, сколько индивидов»³². Признание этого тезиса приводит к необходимости постулировать то, что может быть названо поиском критериев истинности, которые сами по себе, подвергнутые скептицизму, окажутся так или иначе сомнительными, и, как следствие этого утверждения, становится ясным, что любое утверждение при всей его логической и эмпирической обоснованности не может обладать истиной в последней инстанции.

Но при всех обстоятельствах любому ищущему знания человеку нужно было найти критерий того, что принять и что отвергнуть. Очень хорошо написал по этому поводу С. Н. Трубецкой (1862–1905): «Скептики поставили вопрос о *критерии* истинного знания во всей его силе и подкопали самые основания стоического догматизма: уже возвращаясь к аргументам Платона, скептическим академиком было легко показать, 1) что очевидность чувственного представления не есть безусловный критерий истинности и 2) что чувственное представление, частное и преходящее, логически не может служить источником наших общих понятий, суждений, умозаключений»³³.

В самом деле, изначально эмпирические представления, правила предшествуют знанию, и опасность заключается в том, что эти правила начинают казаться истинными, появляется опасность верить в них как в божественное откровение, однако всегда надо помнить, что «... зарождаются верования во мраке и апатии тесной сферы неясных представлений»³⁴.

Итак, наши знания суть представления, основанные на логике и опыте. Чисто логический аспект опирается на теорему Геделя о неполноте, в которой доказывалась принципиальная неполнота достаточно развитых формальных систем. И важнейшим следствием этой теоремы стала очевидность наличия истинных предложений, которые тем не менее недоказуемы и неопровержимы. Эмпирическая сторона дела также оказывалась сомнительной. В. Т. Рязанов, используя несколько иную терминологию, пишет применительно к экономической теории о том, что у первого подхода «... недостатком становится вызывающее пренебрежение реальной экономикой и ее жизненными проблемами», но и второй подход «также не в состоянии обеспечить окончательную и во многих случаях даже достаточную верификацию... уже в силу невозможности ограничить конечное число эмпирических наблюдений и появления новых, ранее неизвестных или недооцененных факторов»³⁵.

Однако решающее значение имеют работы двух исследователей — П. Фейерабенда и К. Поппера, представленные в научной литературе независимо от логического и

эмпирического подходов в поисках критериев истины. Первый, полагая, что наука развивается за счет навязывания господствующей элитой своих идей, был, в сущности, абсолютным скептиком³⁶; второй, сформулировав два критерия научной истины — *верификация и фальсификация*, — создал лучшие инструменты, открывающие возможность для подлинного конструктивного скептицизма. В сущности эти два критерия и противоречат, и дополняют друг друга. Противоречие проявляется в том, что верификация должна опытным путем подтверждать научную теорию, а фальсификация выявляет случаи, которые этой же теорией не могут быть объяснены и, более того, эту теорию опровергают. Вместе с тем эти критерии не существуют друг без друга, и в рамках определенного текста они взаимодополняемы.

Это хорошо просматривается на двух примерах. Так, согласно учению К. Маркса, справедливость предполагает распределение по труду: больше трудишься — больше получаешь. Отсюда все, что изымается у трудящихся на бесплатное обучение, медицину, пособия многодетным и малоимущим гражданам, — все это справедливо, но подрывает экономические стимулы к труду. Но и имущественное расслоение, которое вытекает из распределения по труду, рассматривается как вопиющая несправедливость.

Теперь возьмем теоретический пример. Сейчас почти общепризнанно, что трудовая теория стоимости не может раскрыть природу цен на редкие товары, что хорошо делает теория предельной полезности, но последняя тоже не может объяснить многие факты; почему, например, женщина, уже имеющая n платьев, хочет еще иметь $n + 1$, $n + 2$, ... платьев, и т. п. Нельзя сказать, что тут действует первый закон Госсена.

Очевидная максима: «До тех пор, пока теоретическое утверждение не опровергнуто, оно может считаться истинным»³⁷ — в свете фальсификации у скептиков приобретает совсем иной вид, т. е. *до тех пор, пока теоретическое утверждение, представленное в неком тексте, не опровергнуто, оно не может считаться истинным*.

Таким образом, ни логические, ни эмпирические построения не могут гарантировать истинность утверждений, все они так или иначе упираются в критерий фальсификации. Особенно это связано с эмпирическим подходом. Прекрасно сказал Дж. Сантаяна (1863–1952): «Оставаясь беспомощным и покорным перед фактами, эмпирик, при всей своей самоуверенности, подчиняется скорее своей иллюзии, чем их свидетельству»³⁸.

Круг

Апория предполагает, что «... доказывать “А” через “В”» невозможно, ибо «само “В” доказывается и делается понятным только через “А”»³⁹, т. е. в этом случае возникает взаимодоказуемость. В определенном смысле речь в этой апории идет о порочном круге. Такие случаи достаточно часто встречаются в экономической науке. Например, кто-то может определить уставный капитал как средства, вложенные собственниками в предприятие. Вместе с тем само предприятие может пониматься как циркуляция вложенного капитала. В сущности это сближает взаимодоказуемость с апорией «регресс в бесконечность». Отличие в том, что там познание идет в бесконечность, там подчеркивается неисчерпаемость все новых и новых интерпретаций текста; в нашем случае считается наоборот: каждая трактовка, упираясь в другую трактовку, попадает в тупик, каковым и выступает порочный круг. Там исследователю не остановиться, здесь — не сдвинуться с места.

Современная герменевтика в значительной степени преодолела границы порочного круга и придала этой апории существенно новые черты. Сначала Ф. Шлейермахер (1768–1834) представил герменевтику как искусство истолкования⁴⁰, потом

В. Дильтей (1833–1911) стал рассматривать ее как метод познания и, наконец, Х. Г. Гадамер (1900–2002) представил ее как исследование *возможностей* понимания. Для большинства герменевтика была инструментом познания. Гадамер, говоря о возможности, придал ей скептический оттенок. При всех обстоятельствах, изучая какой-либо текст, исследователь сначала поднимает один его пласт — скажем, видимый, потом иной — допустим, биологический, затем психологический, далее социальный, каждый раз возвращаясь к исходной точке анализируемого пласта. Таким образом, познание, как и в апории регрессии, идет последовательными кругами, на каждом уровне может возникнуть порочный круг, он преодолевается углублением исследователя в следующий пласт. Особенно опасен первый пласт — видимость явлений. Тут сразу вспоминается малышка Мопса — героиня «Зимней сказки» Шекспира, любящая говорить: «Уж если напечатано, значит, правда». Далее тут же возникает опасение, что все неясности текста сведутся к поиску смысла, которым руководствовался автор. Гадамер так пишет по этому поводу: «Нормой для понимания книги ни в коей мере не является мнение автора»⁴¹.

Поэтому внешнее содержание текста — это одно, а понимание проблемы, скрытое понимание может значить совсем иное. Так, Аристарх Самосский, проникая в глубь видимого, утверждал, что Земля движется вокруг Солнца, но восемнадцать веков эта для нас очевидная мысль рассматривалась как маргинальная. Отсюда и вывод Рикера: нам «...изначально дано не сознание как таковое, а ложное сознание, предрассудок, иллюзия. Вот почему сознание должно подвергнуться интерпретации. Ницше был первым, кто связал подозрение с интерпретацией»⁴². С подозрения, а лучше сказать, с интерпретации и начинается скептицизм, но его особенность в том, что «нам не дано предугадать» окончательный и абсолютно истинный ответ. Работа с *кругом* предполагает, прежде всего, сомнения относительно принятых представлений. Например, цена — это то, что хочет получить собственник за свой товар или сколько он уже за него заплатил. Однако сразу же возникает решающий вопрос: а почему именно эту цену запросили? и почему ее заплатили? И тут начинается исследование. Сначала, естественно, возникает чисто конъюнктурный анализ, ибо мы сравниваем нашу цену с ценами на аналогичные товары в других магазинах, в других районах, других странах. Этот анализ очень полезен, так как призван показать степень эффективности сделки. Однако ответа на вопрос, почему именно была уплачена такая цена, мы не получили. Мы вернулись к исходной точке. Круг оказался порочным, и он замкнулся. Мы вновь движемся уже по новому кругу: какова себестоимость этого товара, сколько лишних денег мы уплатили или, наоборот, недополучили. Этот анализ существенно углубляет наши представления об эффективности хозяйственной деятельности. Но ответа на поставленный вопрос снова нет. И мы делаем новый заход: предполагаем, что содержание себестоимости выражается неким абстрактным трудом. И вот наконец-то получаем ответ: чем более трудоемко, в том числе за счет абстрактного труда, и капиталоемко изделие, выступающее в форме товара, тем выше его цена. Это уже что-то. Но дальше нас вновь начинают грызть сомнения. Почему, например, есть достаточно много людей, готовых заплатить миллионы за какую-то старую почтовую марку, — ведь сделать да и сохранить ее ничего не стоило. Тогда мы приходим к новому выводу: чем сильнее люди желают приобрести вещь, тем дороже она стоит. Но и тут на ум приходит коварный вопрос (и возникает новый круг — социологический): может быть, все дело в соотношении сил продавца и покупателя: кто кому лучше умеет навязать свою волю, тот и устанавливает цену?

Отвечая на этот вопрос, мы вновь сталкиваемся с исходным вопросом, с которого начали: почему? Тогда, как уже было отмечено, апория *круг* сливается с апорией *регресс*, ибо круги познания бесконечны, каждый из них расширяет, и углубляет познание, но, поскольку каждый круг описывает только один из аспектов познаваемых объектов, общее познание оказывается бесконечным, и мы можем только констатировать, что на любой момент времени наше познание оказывается относительным. И тут самое время вспомнить слова А. Бергсона (1859–1941): «Подлинный интеллект есть то, что вводит нас внутрь изучаемого предмета, заставляет коснуться его глубин, проникнуться его духом и ощутить биение его сердца»⁴³. Эти интеллектуальные круги, особенно последующие, раскрывают суть проблемы. Но все вместе *круги* дают относительное, хотя и более целостное и углубленное, представление, ибо, складывая относительные знания, мы получаем знание тоже относительное, а иногда, несмотря на целостность, как правило, еще более относительное.

Редко кто из исследователей пытается сразу проанализировать множество кругов познаваемого явления, но в зависимости от целей познания или от исторической эпохи, которая меняет цели, исследователь выбирает тот или иной круг как главный в данный момент.

Мы хорошо знаем последовательность парадигм, составляющих круг экономической мысли, взятой в ее движении: меркантилистов сменяют физиократы. Потом рождается великая классическая школа политической экономии. Ей пытались противостоять историки. Наконец, на сцену выдвигается всепобеждающий маржинализм. И вдруг работы Дж. М. Кейнса возродили многое из проблематики меркантилистов, сейчас монетаристы пытаются реставрировать классическую школу, а еще недавно П. Сраффа (1898–1983) попытался воспроизвести рикардианство, и так постоянно.

Но каждый круг включает комплекс идей. Они находятся между собой в определенных отношениях, и возникает великий вопрос о соотношении части и целого. Поппер писал, что «... системы теорий проверяются путем выявления из них высказываний меньшей степени универсальности. Эти высказывания, в свою очередь, поскольку они также должны допускать интерсубъективную проверку, проверяются сходным образом и так далее *ad infinitum*»⁴⁴. Это углубление вовнутрь, но важно и углубление вовне. В обоих случаях мы сталкиваемся с двумя противоречивыми утверждениями. *С одной стороны*, показательны взгляды гештальт-школы, которая утверждала, что целое дает эффект, больший, чем сумма его частей. Не случайно сейчас в науке широко обсуждается проблема синергетического эффекта⁴⁵. В экономической науке П. Ж. Прудон (1809–1865) объяснял возникновение прибыли комбинаций труда и капитала, в результате чего и появлялась, по его мнению, добавленная стоимость⁴⁶. В бухгалтерском учете показатели каждого отдельно взятого счета дают дополнительный эффект только в связи с другими балансовыми счетами. *С другой стороны*, современный исследователь Э. Морен утверждает, и не без основания, «что целое меньше суммы частей, ибо организация целого замораживает проявление собственных частей»⁴⁷. И в этом тоже есть огромный смысл, ибо часть целого ограничена общей схемой, заданной целым. В той же бухгалтерии многие счета не могут получить полного развития, ибо они скованы правилами, формирующими бухгалтерский баланс. Достаточно сказать, что основные средства, эксплуатируемые на предприятии, не могут быть представлены полностью, так как в балансоведении принято правило, требующее учета имущества, взятого в аренду, за балансом. Точно так же подобные правила запрещают складывать купленные товары с товарами, принятыми на комиссию, и т. д.

Общие выводы. Апории скептицизма основаны, как это показал Дж. Сантаяна, на животной врожденной вере. Скептицизм изначально — это врожденное качество недoverчивых людей. Но когда человек понимает опасность того, что его скептицизм может на деле обернуться тем же догматизмом, он начинает четко различать, что в его интеллектуальном мире основано на знании и что — на вере. Экономическая наука предполагает только знания, и вне скептицизма она невозможна; напротив, прикладная экономика и вся хозяйственная практика построены на жестком догматизме, когда, как писал С. Н. Трубецкой, «всякое утверждение сводится, в сущности, к иррациональной, субъективной привычке»⁴⁸. Вот хороший пример: бухгалтерия делится на теорию — счетоведение и практику — счетоводство. Последнее полностью основано на животной вере счетоводов в животворящую силу определенных догматов, воплощенных в рабочих инструкциях. Именно инструкции создают впечатление правильности данных бухгалтерской отчетности, и поэтому миру так нужен бухгалтерский скептицизм, помогающий «очистить сознание от иллюзий»⁴⁹.

Скептицизм зависит от отношения знающих людей к той или иной проблеме. Вспомним спор Богданова с Плехановым о наличии чертей⁵⁰. Кажется, если все общество верит в их наличие, то в нем, в обществе, нет места скептицизму. Точно так же ему нет места и в нашем обществе, ибо никто теперь в чертей не верит. Но если есть группы экспертов, которые и верят, и не верят в нечистую силу, то положение меняется, и представители обеих групп должны обратиться к апориям скептицизма, чтобы верифицировать и фальсифицировать свои убеждения и аргументы противной стороны. Однако если посмотреть на проблему глубже, то, может быть, и в первом, и последнем случаях апории скептицизма, дополняя и развивая друг друга, нужны еще больше.

Последовательное их применение позволяет понять подлинное содержание явлений хозяйственной жизни и понятий, с ней связанных. Отсюда вытекает главный вывод: скептицизм требует настороженного отношения ко всем теориям и делам, об истинности которых идет речь, и безусловного осуждения теоретиков-циников, которые полагают, что не знают ничего.

Скептицизм и догматизм — это две разновидности мышления, которые диктуют поведение человека, в том числе и, прежде всего, человека науки. В сущности, остается до конца неясным, какой же подход плодотворнее. На первый взгляд, догматизм лучше, так как внушает человеку убежденность в том, что он говорит и что думает, скептик же все время сомневается, у него нет веры, уверенности, и в глазах многих он предстает интеллектуально немощным человеком. Но это только кажется. Так, главное следствие из скептицизма для экономической науки заключается в том, что наши представления становятся значительно шире, мы не говорим, что классическая школа и монетаристы все утверждали правильно, а все остальные говорили неверно; мы не можем подходить к науке как ортодоксальные марксисты, которые учили, что и раньше были верные мысли, но его, Маркса, учение всеильно, а все несогласные с ним суть вульгарные экономисты⁵¹. В сущности, то же можно встретить во многих школах. Достаточно вспомнить Э. Бем-Баверка (1851–1914)⁵². Только когда и марксизм, и маржинализм, и кейнсианство, и монетаризм, и эмпиризм, и институционализм рассматриваются как направления единой экономической науки, правильнее сказать политической экономии, тогда можно понять и опасности скептицизма. Он достигает апогея в работах Д. Мак-Клоски, в которых утверждается, что «труд экономистов направлен не на поиск социальных закономерностей, а на создание экономистами эффективных аргументов для защиты их собственных выводов. Поэтому анализ языка

и разоблачение “уловек” в работах экономистов нередко ставится выше анализа сути решаемых ими проблем»⁵³.

Однако из этого есть выход в трех важных выводах.

1. Теоретические построения многообразны, и нельзя, не впадая в догматизм, утверждать, что только одна какая-то научная школа правильна. И так же бессмысленно задавать вопрос, какая школа правильная, а какая — нет. Все зависит от великих критериев верификации и фальсификации.

2. Многообразие построений должно быть связано с постоянной деконструкцией изучаемых категорий. Именно этот прием позволяет по-новому взглянуть на привычные нам проблемы.

Так, общеизвестен постулат К. Маркса: «...не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁵⁴. В начале прошлого века эта сентенция деконструировалась весьма активно. В. И. Ленин понимал ее как внесение социалистического сознания в пролетарские массы. В знаменитой книге «Что делать?» он писал: «... социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть* — оно могло быть принесено только извне». И далее: «Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными классами»⁵⁵. Отсюда ясно, что бытие наиболее интеллектуальной элиты общества и формирует социалистические идеи. Так это и было со времен Платона (427–347 до н. э.), и так думал Ленин. В 1903 г. такая деконструкция означала, что РСДРП возглавят интеллигенты-эмигранты. Потом в партии возникли проблемы, и Г. В. Плеханов взялся за более буквальную деконструкцию марксистского постулата. По этому поводу он написал специальный труд: «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция». Его можно назвать по моде тех времен: «Анти “Что Делать?”». В нем проводятся две мысли: 1) бытие интеллигенции не может не испытывать влияния рабочего движения, 2) рабочее бытие автоматически, независимо от интеллигентских влияний, приводит к зарождению научного социализма: «... рабочие капиталистических стран пришли бы к *социализму* даже в том случае, если бы они были предоставлены своим собственным силам»⁵⁶. Спустя сто лет после этих дискуссий можно понять, с позиции скептицизма, что оба правы. Выводы адекватны, хотя и находятся в кажущемся противоречии. Не случайно ленинская трактовка получила развитие во франкфуртской школе, а плехановская — в политике ЦК КПСС, когда были установлены приоритеты на прием в партию.

3. В науке и в жизни следует четко различать истинность теории и условия ее применения. Капитализм, в его классических формах, оказался очень продуктивен для многих стран Западной Европы, Северной Америки, Японии. Но он же оказался, скорее всего, деструктивным для стран Латинской Америки, Африки и многих азиатских народов. В этом отношении показателен опыт нашей страны. По марксистской теории, капиталистическая формация существовала у нас восемь месяцев (с февраля по октябрь 1917 г.). То, что было до 1917 г., — это, как справедливо назвал свою книгу В. И. Ленин: «Развитие капитализма в России», именно *развитие*, капитализм развивался, но так и не развился, а был сразу же сметен как чуждое явление для нашей страны⁵⁷. А социализм в его чисто традиционных отечественных формах существовал достаточно долго и, в определенных проявлениях, весьма эффективно. И сейчас мы были свидетелями почти молниеносной перестройки хозяйства на капиталистический лад, но «наш бронепоезд стоял на запасном пути», и мы наблюдаем, как этот бронепоезд медленно движется с запасного на основной путь, и страна постепенно возвращается к традиционному для нее и многовековому дирижизму.

Отсюда самый главный вывод: *правильность любых утверждений, представленных в тексте, оправдывается средой их реализации*. Чем меньше их адекватность, тем бессмысленнее практическое значение теории и ее утверждений, и наоборот, чем выше степень их адекватности, тем эффективнее теория и ее утверждения. Чем больше адекватности, тем меньше скептицизма. С социологической точки зрения основу общества составляет человек. Люди разные. И у разных людей преобладает разная апперцепция. Именно поэтому то, что для одного социума прекрасно, для другого более чем сомнительно, «то, что для немца хорошо, то для русского смерть». И наоборот.

Отсюда человек, любящий скептицизм и следующий известному лозунгу К. Маркса «Подвергай все сомнению»⁵⁸, понимает, что нет ни в науке, ни в жизни раз и навсегда данных трафаретов истинности, критерии размывают ее границы. «Обманывать себя, жить иллюзиями и умереть заблуждаясь — вот чем занимаются люди»⁵⁹. Но, к счастью, не только этим.

Разумным людям, включая политиков и ученых, лучше всего следовать наставлению А. Пуанкаре (1854–1912): «Я знаю не то, что такая-то вещь истинна, но то, что для меня все же лучше действовать так, как если бы она была истинна»⁶⁰. В сущности, так же считает В. Т. Рязанов, когда пишет, что «при выполнении экономической наукой управленческой функции истина принимает форму “пользы”. Чем более полезны те или иные теоретические утверждения (системы, модели) непосредственно для управленческой деятельности, тем в большей степени они представляются истинными»⁶¹. Здесь речь идет не столько об истинности, сколько о полезности в духе прагматизма, выдвинутого К. Марксом, когда он писал, что «практика — критерий истины», ибо что оправдывает практика, то и благо.

Так считают и так поступают все ученые и простые люди, чей ум не затемнен тонкостями философии. Но когда у них возникают сомнения, им на помощь приходит методология скептицизма, состоящая из пяти апорий⁶². Скептицизм «освобождает нас от предрассудков, которые навязывает нам общество, от таких религиозных догм, как традиционные верования ... отдает нас на суд только нашего разума»⁶³.

Итоги. Теперь читатель может задать вопрос: ну и что? Ответ будет таким: поскольку скептицизм предполагает наличие *как минимум* двух логически равноценных трактовок важных теоретических проблем, постольку почти всегда возникает возможность их использования одними социальными группами в ущерб другим. Это должно переносить центр тяжести экономической теории в область социологических проблем: кому именно выгодно и кому и в какой степени невыгодно эти утверждения. В сущности, возникает матрица: один ее вектор отражает теоретические концепции, другой представляет социальные группы. В этом случае теоретические построения приобретают огромную практическую значимость. Это связано с тем, что традиционная наука обычно подчеркивает, что некое А правильно, а все остальные теории ошибочны, и то, что раньше было теоретически недостоверным, рассматривается как равноценное. И все возможные теоретические построения трактуются как жизненно важные и необходимые для конструктивной работы. Ее суть в том, что она с неизбежностью прямо приводит к возрождению старинной полуфилософской-полуюридической теории *общественного договора*. Следовательно, различные общественные группы, скажем, работодатели и нанимаемые на работу, могут договориться об условиях договора найма рабочей силы при ярком свете науки, не обманывая друг друга. При этом достаточно руководствоваться великой идеей социальной справедливости или просто соотношением сил.

Это и есть спокойный скептический взгляд на экономическую науку и хозяйственную жизнь.

С признанием скептицизма в реальную жизнь проникают подлинная мудрость, толерантность и бесконечная доброта. Следовательно, скептицизм, сочетая разум с надеждой, делает всех людей, и особенно экономистов, счастливыми.

Беда скептицизма и его носителей — скептиков — в том, что они видят проблемы, но часто не знают, как их решить. Однако если вдуматься, то теория, давая анализ проблем, и не должна что-либо решать. Решения принимают практики при свете разума, теории и скептицизма.

---

¹ «Мы не изучаем какой-то предмет, мы изучаем проблемы» (цит. по: Эволюционная этимология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000. С. 242). И в другом месте: то, что делает ученый — это «прояснение проблем» (*Поппер К.* Логика научного исследования. М., 2005. С. 35). Можно подумать, что автор отрицает понятие предмета в науке вообще. Однако любой ученый исследует какие-то проблемы, а это и есть предмет. Считается, например, что предметом марксистской политической экономии выступают производственные отношения. Такая трактовка предмета отпадает, но остаются проблемы: цена, реализация, рента и т. п.

² *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 31.

³ *Лосев А. Ф.* Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 36. — На первый взгляд мысль Лосева противоречит формулировке апории, приведенной в Философском словаре. Однако Лосев просто имеет в виду, что данные наблюдения — это тоже только эмпирические мысли, а соотношение мыслей — это не что иное, как часть логического мышления.

⁴ *Секст Эмпирик.* Три книги пиროновых положений // *Секст Эмпирик.* Соч.: В 2 т. Т. 2. 1976. С. 209.

⁵ *Плеханов Г. В.* Скептицизм в философии // *Плеханов Г. В.* Соч. Т. XVII. М., б.г. С. 178–183.

⁶ Цит. по: *Стретерн П.* Деррида. М., 2005. С. 42.

⁷ *Наринский Н. С.* Пол Фейерабенд и кризис «постпозитивистской» методологии // *Наринский Н. С.* Пол Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 18.

⁸ *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2002. С. 337.

⁹ Цит. по: *Стретерн.* Указ. соч. С. 67. — В самом деле, если вы не последователь Маршалла и Туган-Барановского, а просто верите в трудовую теорию стоимости, то для вас все другие трактовки цены автоматически становятся в лучшем случае неверными, а в худшем вредными. Отсюда все, что было предложено в экономической науке после Маркса, у нас рассматривалось как вульгарная политическая экономия. И, как следствие, сама экономическая наука становилась царством догматизма и демагогии.

¹⁰ Цит. по: *Морен Э.* Метод. Природа Природы. М., 2005. С. 14.

¹¹ Цит. по: *Сорокин П.* Социальная и натуральная динамика. СПб., 2000. С. 361.

¹² *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. СПб., 2001. С. 171.

¹³ *Мальбранш Н.* Разыскания истины. СПб., 1999. С. 493.

¹⁴ *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. М., 1995. С. 485–486.

¹⁵ В современной философии эта апория получила развитие в принципе верификации А. Айера (1910–1989). Он исходил из того, что проверка истинности любого утверждения предполагает ответ на бесконечную череду вопросов, каждый из которых предполагает ответ, требующий, в свою очередь, новой верификации. (Цит. по: *Никитенко С. В.* Аналитическая философия. Основные концепции. СПб., 2007. С. 131–141).

¹⁶ *Лосев А. Ф.* Указ. соч. С. 37.

¹⁷ *Фоллесдаль Д.* Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 149.

¹⁹ *Рязанов В. Т.* Антропологический принцип в экономике // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика.* 2006. Вып. 1. С. 3.

²⁰ *Мур Дж.* Принципы этики. М., 1984.

²¹ Рязанов В. Т. употребляет термины — априорно-логические и индуктивно-эмпирические методы (*Рязанов В. Т.* Проблема верификации в экономической теории // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика.* 2004. Вып. 4. С. 7).

²² *Павлов И. П.* Об уме вообще // И. П. Павлов: pro et contra. СПб., 1999. С. 129.

²³ По этому поводу прекрасно сказал Э. М. Сиоран (1911–1995): «Сама по себе всякая идея нейтральна или должна быть таковой, но человек ее одушевляет, переносит на нее свои страсти и свое безумие... совершается переход от логики к эпилепсии... Так рождаются идеологии, доктрины и кровавые фарсы» (*Сиоран Э. М.* Испытание существованием. М., 2003. С. 14).

²⁴ Согласно К. Марксу (1818–1883), ни одна экономическая система никогда не исчезнет до тех пор, пока не «... разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточный простор» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7). Ясно, что капитализм не исчерпал своих возможностей до сих пор, и не был ли П. Б. Струве (1870–1944) большим марксистом, чем В. И. Ленин (1870–1924), когда звал рабочих и общество не на баррикады, а на выучку капитализму?

²⁵ *Рикардо Д.* Соч. Т. 1. М., 1955. С. 239; *Милль Дж. С.* Основания политической экономии. Киев, 1896. С. 640.

²⁶ Более пятнадцати лет Маркс, имея готовую рукопись, не публиковал ее текст. Он хотел найти решение этим очевидным противоречиям. И он предложил их. Но, очевидно, он искал еще более сильные аргументы. Со временем стало очевидно, что в проблеме реализации он сделал, в целом, правильный выбор в первом томе, ибо исследования Дж. М. Кейнса показали, что продукт полностью не реализуется из-за недостатка спроса, а закон падения средней нормы прибыли не подтвердился из-за логических противоречий, допущенных Марксом и его предшественниками, на что указал в свое время М. И. Туган-Барановский (*Туган-Барановский М. И.* Теоретические основы марксизма. СПб., 1905. С. 124). Одновременно с нашим автором на это обстоятельство обратил внимание Б. Кроче (1866–1952). Оба пришли к выводу, что рост доли постоянного капитала приводит скорее к росту прибыли, а не к ее падению (Там же).

²⁷ У Плеханова есть замечательная реплика: «...иное дело – объект в себе, а иное дело – объект в представлении субъекта» (*Materialismus militans // Плеханов Г. В.* Соч. Т. XVII. М., б.г. С. 34).

²⁸ Каждая эпоха имеет свою «научность» (см.: *Богданов А.* Философия живого опыта. Пг.; М., б. г. С. 9). При этом Богданов искренне писал: «Леший реален как продукт народного творчества, как выражение эмоций, вызываемых в малокультурном человеке обстановкою леса» (Там же. С. 182). Когда это прочитал Плеханов, он написал приятелю: «Я уничтожу эту гадину» (цит. по: *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (текстология). Ч. II. Л.; М., 1927. С. 263). Богданов, с грустью и без злобы, написал: «Леший не существует для Плеханова. С этим можно поздравить почтенного критика» (*Богданов А. А.* Философия живого опыта. С. 288).

²⁹ Цит. по: *Шпет Г.* История как проблема логики. Мысль и слово. М., 2005. С. 295.

³⁰ *Гальперин Я. М.* Школы балансового учета. Тифлис, 1926. С. 23–24.

³¹ *Лосев А. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 37.

³² Цит. по: *Печенкин А. А.* Вводные замечания к разделу «Релятивизм» // Современная философская наука. М., 1996. С. 23.

³³ *Трубецкой С. Н.* Учение о логосе и его истории. Соч. М., 1994. С. 100.

³⁴ *Сантаяна Дж.* Скептицизм и животная вера. СПб., 2001. С. 43.

³⁵ *Рязанов В. Т.* Проблема верификации в экономической теории. С. 7.

³⁶ П. Фейерабендом «... истина истолковывается как временно принятая и используемая ложь» (см.: *Наринский Н. С.* Пол Фейерабенд. М., 1986. С. 9), т. е. скептицизм в форме безграничного прагматизма возводится в основополагающий принцип. Но это не столько скептицизм, сколько *цинизм*, явление иного порядка. Отсюда и вывод огромной важности, сделанный Фейерабендом: «... не одна теория побеждает другую, а сторонники одной теории любыми средствами сокрушают сторонников другой» (Там же. С. 19).

³⁷ *Рязанов В. Т.* Указ. соч. С. 11.

³⁸ *Сантаяна Дж.* Указ. соч. С. 37.

³⁹ *Лосев А. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 37.

⁴⁰ А. Димер очень хорошо это выразил словами: «Задача философии – не изменять, но только интерпретировать мир» (цит. по: *Гадамер Х. Г.* Истина и метод. М., 1988. С. 35).

⁴¹ *Гадамер Х. Г.* Указ. соч. С. 231.

⁴² *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. С. 409.

⁴³ Цит. по: *Блауберг И. И.* Анри Бергсон. М., 2003. С. 263.

⁴⁴ *Поттер К.* Логика научного исследования. С. 44.

⁴⁵ Вспомним наставление Ж. П. Сартра (1905–1980): «Ищите целое, детализируя части», которое на практике было трактовано как директива: «Уничтожить все непохожее» (цит. по: *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997. Т. 4. С. 411). То же можно сказать о замене тезиса «Экспроприаторов экспроприруют» на лозунг «Грабь награбленное».

⁴⁶ По мнению П. Ж. Прудона (1809–1865): «Хозяин уличивает каждому рабочему ценность его индивидуального труда, но оставляет для себя продукт коллективной силы всех рабочих» (цит. по: *Жид Ш., Руст Ш.* История экономических учений. М., 1918. С. 172).

⁴⁷ *Морен Э.* Метод. Природа Природы. М., 2005. С. 16.

⁴⁸ *Трубецкой С. Н.* О природе человеческого познания. Соч. М., 1994. С. 513.

⁴⁹ *Сантаяна Дж.* Указ. соч. С. 3.

⁵⁰ Вера в нечистую силу как истину иногда приводит к неожиданным результатам. Так, К. Каутский (1854–1938) писал, что Ленин в политике делает то, что Богданов – в философии (цит. по: *Богданов А.* Всеобщая организационная наука (текстология). Ч. II. Л.; М., 1927. С. 264).

⁵¹ Один из парадоксов истории в том, что сам Маркс, «подвергая все сомнению», в сущности, был скептиком, но его ученики превратили марксизм в догму. «Мы должны были, – писал один из них, – при помощи оружия критики познания оградить границы новой науки от покушений скептицизма» (*Бауэр О. История «Капитала» // Основные проблемы политической экономии / Под ред. и с предисловием Ш. Двойлацкого, И. Рубина. М., 1922. С. 51*). И, может быть, не случайно отец научного коммунизма как-то сказал: «Я Маркс, но не марксист».

⁵² Великий труд К. Маркса «Теория прибавочной стоимости» (четвертый том «Капитала») можно сравнить с первым томом труда Э. Бем-Баверка «Капитал и прибыль». Оба автора (их можно назвать дознавателями) со всей нетерпимостью писали «донос» на своих мертвых и живых коллег, не замечая очень многого из их достижений. Применительно к скептицизму можно повторить слова Г. В. Плеханова: «Мы не ослепли, а родились слепыми» (*Плеханов Г. В. Скептицизм в философии // Плеханов Г. В. Соч. Т. XVII. М., б. г. С. 176*).

⁵³ Цит. по: *Колтаков В. А. Возможна ли теория познания «текстовой реальности»? // Эпистемология & философия науки. 2006. Т. X. № 4. С. 68.*

⁵⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.*

⁵⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 30.*

⁵⁶ *Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. М., б. г. С. 121.*

⁵⁷ Не случайно В. Г. Яроцкий (1855–1917) в 1916 г. писал, что «прогремевшая лет 20 тому назад и увлекшая собою многих якобы единая формула спасения нашего: “Пойдем на выучку к капитализму!” с особенным треском проваливается при нынешнем тяжелом испытании ее на практике, обнаруживая наглядно присущие этой системе наиболее неприглядные свойства – спекулятивную наживу как основной ее двигатель» (*Яроцкий В. Г. Курс лекций политической экономии. Вып. 1. Пг., 1916. С. V*).

⁵⁸ *De omnibus dubitandum – «Подвергай все сомнению» – любимый афоризм К. Маркса (Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, С. 275). Беда его последователей, да и его самого, в том, что они не подвергли сомнению сам марксизм. За него и за них это успешно выполнили другие, в результате марксистская политическая экономия, несомненно, приобрела статус науки.*

⁵⁹ *Сиоран Э. М. Испытание существованием. С. 20.*

⁶⁰ *Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 117. – К. Поппер считал Пуанкаре конвенционалистом и полагал, что этот подход к философии науки противоречит великому методу фальсификации.*

⁶¹ *Рязанов В. Т. Указ. соч. С. 15.*

⁶² «Радикальное сомнение, – писал Дж. Сантаяна, – ни в чем не помогает обычному человеку, а потому не интересует его», но скептицизм «... является необходимым инструментом... в усилиях избежать иллюзий» (цит. по: *Хилл Т. И. Современные теории познания. М., 1965. С. 145*). В самом деле, какое дело обычному человеку до того, определяется ли стоимость общественно необходимым рабочим временем (абстрактным трудом) или предельной полезностью. Никакого. Однако если кто-то стремится к рационализации производства или к социальной справедливости – эти вопросы для него приобретают существеннейшее значение.

⁶³ *Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000. С. 66.*

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2007 г.